

Осмысление места и роли революции 1917 года в истории России современной учащейся молодежью

В российском обществе последних 20 лет, вероятно, не было более важной и злободневной исторической темы, чем осознание и переоценка роли революционных событий 1917 г. Эволюция этих взглядов в общественном сознании была причудлива и непроста: от почти единодушного одобрения и высокой положительной оценки в советское время, через отрицание этой позитивной роли в начале «лихих» 1990-х гг., к попытке «уравновесить» эти крайности в современных оценках.

По данным «Левада-Центра», и сегодня более 50% россиян считают, что Октябрьская революция открыла новую эру в истории и вообще способствовала развитию народов России. Мнение о том, что пролетарская революция открыла новую эру в истории России, разделяют 25% опрошенных. А еще 28% считают, что она дала толчок социальному и экономическому развитию всех народов страны. Однако такая позиция характерна для респондентов старше 55 лет, а также служащих и специалистов с низким и средним уровнем доходов. Если взглянуть на проблему через призму социального положения опрошенных, то мы увидим, что катастрофические последствия революции для народов России видят в основном предприниматели (24%), домохозяйки (12%) и, в целом, россияне в возрасте 25—40 лет (12%). Главной причиной революции 1917 г. большинство опрошенных считает тяжелое положение трудящихся (53%), а вот в 2007 г. этот взгляд на историческое событие разделяли 57% респондентов.

Весьма показательно и то, что если бы подобные события происходили сейчас, то каждый четвертый из опрошенных постарался бы не участвовать в них. Активную поддержку большевикам оказали бы 14% респондентов,

среди которых чаще всего сторонники КПРФ (30%) и ЛДПР (23%).

Интересным представляется и отношение респондентов к вопросу о целесообразности упразднения праздника 7 ноября. Если у молодежи (до 25 лет) число противников и сторонников этого решения примерно одинаковое, то среди россиян старше 55 лет большинство выступают против упразднения (75%). Опрос был проведен в конце октября 2011 г. среди городского и сельского населения страны. В нем участвовали 1 586 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов России¹.

В подобных оценках — результат не только и не столько политических пристрастий авторов анкет, но и сложившейся за последние два десятилетия системы школьного и вузовского исторического образования, равно как и внезапно обрушившегося на нас фактора плюрализма и разноголосицы в оценках событий почти столетней давности.

Какие же оценки революционных событий 1917 г. присутствовали в учебной литературе по истории после краха советской системы? Какие из них отошли в прошлое, а какие существуют до сегодняшнего дня?

Можно с полной уверенностью сказать, что практически все основные оценки, которые сложились за это время в отечественной и зарубежной историографии, оказались представленными и в учебной литературе. Порой даже получалось так, что эти оценки, еще не устоявшиеся, впервые отражались именно в учебниках, особенно вышедших в начале 90-х гг. На сегодняшний день существуют учебники, которые оценивают события того времени с позиций либеральной и державной, националистической и монархической, с точки зрения русской эмиграции и традиционалистской советской.

Сформировалась даже официальная позиция Русской православной церкви в этом вопросе, также изложенная в учебных пособиях. Причем зачастую сторонники каждой из

этих точек зрения считают правомерной и верной лишь свою собственную точку зрения, отказывая в праве на существование всем иным. Однако именно взятые все вместе, пусть даже самые различные и несоединимые позиции и оценки, способны помочь выработке взвешенного, максимально объективного взгляда на прошлое.

В данной публикации невозможно отразить и малой толики данной проблемы в целом. Ее задача состоит в том, чтобы лишь обозначить основные точки зрения на проблемы, нашедшие отражение в учебниках.

Первой и одной из весьма дискуссионных проблем до сих пор остается вопрос о *предпосылках* событий 1917 г. Разброс мнений здесь достаточно велик. Есть те, кто полагает, что вообще никаких предпосылок этих событий не существовало; что учебники должны лишь «излагать совокупность фактов, событий, документов»; что «нет никаких закономерностей и предопределенностей в развитии исторического процесса» и т. п. В самом ли деле сторонники такого взгляда верят своим словам, или нет, но стремясь уйти от анализа и оценок, они практически сразу вслед за этим предлагают лишь собственный анализ, собственные оценки, аргументируют свои выводы и приводят собственный блок документов, их иллюстрирующий. Иначе ведь не может и быть.

Другой крайней точкой зрения, доставшейся нам от советского прошлого, является традиционное утверждение о том, что вся наша многовековая история была лишь подготовкой к событиям 1917 г., а именно — Октября и победы большевиков. Правда, сегодня таких учебников практически уже нет.

Вместе с тем, уже в начале 90-х гг. в учебниках появилась интересная точка зрения о наличии сложного, многоуровневого комплекса причин объективного и субъективного характера, приведшего к 1917 году. Одним из первых ее высказал В. П. Дмитренко в своем учебнике для 11 класса². Он сформулировал 3 группы предпосылок

революционного взрыва 1917 г. К первой группе противоречий он относил вековые противоречия, существовавшие в нашей стране между властью и личностью, между городом и деревней, между центром и окраинами, между великороссами и «иностранцами» и т. п. Ко второй группе противоречий он относил те, которые оформились в России в результате незавершенности «великих реформ» 60-70-х гг.: сохранение выкупных платежей и «отрезков», нежелание верховной власти отказаться от абсолютизма в пользу конституции, обострение национального вопроса и т. п. Такую же позицию высказывал еще в начале 90-х гг. Г. З. Иоффе, который утверждал (правда, не в учебнике), что «великие реформы подготовили Октябрь 1917 года». Однако, даже при наличии этих двух групп противоречий, по мнению Дмитренко, революционный взрыв вовсе не был обязательным и немедленным. Главным ускорителем революционного процесса в России стала мировая война, сформировавшая еще один, третий блок противоречий, принеся в российское общество многомиллионные потери мужиков-кормильцев; нищету и лишения миллионам россиян; показавшая неэффективность отжившей властной системы в условиях внешнего вызова; в значительной мере обострившая антагонизм не только между властью и обществом, но и в самом обществе. Даже те институты демократии, которые оформились лишь за неполное довоенное десятилетие, вносили свою лепту в нарастание и углубление кризиса: свободная пресса демонизировала все ветви власти; Государственная дума фактически возглавила действия по смене режима.

По мнению того же Дмитренко, разрешение этих противоречий должно было пойти в обратном порядке — от временных, конъюнктурных противоречий, к тем, что были порождены незавершенностью российской модернизации, а уж затем — и к решению всех иных, более глубоких.

Сегодня достаточно интересной видится мысль о том, что события 1917 г. стали обычным для большинства

стран взрывным переходом от аграрного общества к индустриальному. Однако она лишь намечается в учебном книгоиздании.

Впрочем, есть и иные точки зрения. Кто-то по-прежнему хочет видеть главную причину происшедшего лишь в злом гении Ленина и большевиков. Но при этом либо скромно умалчивают, почему они имели столь массовую поддержку, либо, как и без малого столетие назад, намекают вновь на *немецкие деньги*. В числе субъективных факторов называют, конечно, и доктринальные особенности большевизма.

Проблема хронологических рамок также относится к числу дискуссионных. Но если проследить ее эволюцию за последние двадцать лет, то и здесь мы увидим серьезные новации. Никто из авторов сегодня не рассматривает, как прежде, Октябрь 1917 г. изолированно от Февраля. Сегодня практически во всех учебниках события 1917 г. предстают как единый революционный процесс. Другая часть авторов предлагает рассматривать как единое целое весь период 1917—1922 гг. (например, А. Ф. Киселев и В. П. Попов). Третьи, вслед за Научным советом РАН по истории революций, полагают, что вернее рассматривать как период общенационального кризиса в России время от начала Первой мировой войны и до конца 1922 г.

По-прежнему не решена в едином ключе *проблема характеристики явления*. Что это было: *революция, переворот, вооруженное восстание..?* Казалось бы, что тут непонятного? Однако существуют следующие основные подходы. В большинстве учебников сегодня присутствует оценка революции в отношении всех событий 1917 г. Где-то по-прежнему проскакивает в названиях параграфов «Февральская революция» и «Октябрьская революция». В некоторых — «Февральская революция» и «Октябрьский переворот». Но есть и такие авторы, которые относят понятие «переворот» к событиям Февраля, утверждая, что под революцией мы понимаем обычно радикальные перемены в самих основах социально-экономического и

общественно-политического строя. А поскольку таковых радикальных перемен Февраль не дал, отложив их до созыва Учредительного собрания, то и говорить о «революции» бессмысленно. Истинные же перемены наступили, как они полагают, только после взятия власти большевиками.

Зачастую в трактовке понятий «революция» и «переворот» происходит в известном смысле слова подмена понятий. Ведь переворот, как вооруженный захват власти, отмечают некоторые авторы, имел место и в Феврале, и в Октябре 1917 г. Что же касается вооруженного восстания, то его, мол, в Октябре и вовсе не было. Эта тема по-прежнему вызывает жаркие дебаты, как в авторском, так и в научном сообществе в целом.

Проблема альтернатив развития политической ситуации после Февраля тоже относится к числу важных и имеющих различную трактовку. Сегодня почти нет учебников, где не было бы показано, что с падением царизма существовали различные варианты развития страны. Взятые в целом, они позволяют утверждать, что большинство авторов видит в качестве таких альтернатив демократический и радикальный варианты. Причем радикальный вариант обычно представлен как «справа», со стороны военных кругов (генерал Корнилов и др.), так и «слева» (большевики и левое крыло партии эсеров). Большое место везде уделяется прояснению вопроса о том, какие социальные слои поддерживали каждую из этих альтернатив, почему менялось это отношение.

Проблема социально-экономического развития в 1917 г. была поставлена одним из первых известным российским историком, автором учебников по истории России В. И. Старцевым. Он, увы, не успел отразить эти свои мысли в учебнике, где был одним из авторов. Но сумел высказать такой подход на одной из конференций в Ярославле в 1995 г., где проблема учебников обсуждалась. Суть взгляда Виталия Ивановича сводилась к тому, что, несмотря на революционные события, в 1917 г. страна переживала экономический подъем. Приводились и цифры в

обоснование этой позиции. Но они, правда, касались лишь развития военного производства. Другие авторы остаются на прежней, по сути, советской основе, показывая нарастание кризисных явлений по мере развития ситуации в 1917 г.

Проблема оценки Октября тоже относится к числу тех, по которым точки зрения до сих пор различные. Если суммировать их, то окажется, что взгляд на эту проблему значительно эволюционировал за все эти годы. Дмитренко, к примеру, считал, что Октябрь 1917 г. стал «исторической встречей различных революционных потоков, рванувших в одно время и в одном месте». Поэтому он считал в начале 90-х гг., что с октября 1917 по июль 1918 гг. революция носила общедемократический характер, даже несмотря на установление большевистского режима. Это была революция, в которой поддержку режиму в решении задач, так и не решенных Временным правительством, оказали самые широкие слои населения, имевшие свои собственные цели. Здесь он называл и рабочих, и крестьян (причем всех категорий), и национальные окраины. Однако такое соединение революционных потоков было временным и должно было непременно привести к их расхождению по мере либо решения их задач, либо, наоборот, задержки в их решении властями.

Большинство же авторов акцентируют внимание на антидемократическом, репрессивном *характере большевистского режима*. При этом отмечается, что уже в это время власть наносила удары не только по «бывшим», но и по тем категориям населения, которые, казалось бы, составляли ее социальную базу. По данным В. М. Курицына, в первых советских лагерях до 96% заключенных составляли рабочие, не выполнявшие нормы выработки, а также крестьяне, не выполнявшие повинности.

Весьма важным в учебной литературе предстает *национальный фактор в революции*. Он показан в ряде учебников на постсоветском пространстве едва ли не главным фактором свержения царизма. В «Очерках Истории Украины», изданной в прошлом году в России, авторы

отмечают, что «русская революция разворачивалась параллельно с революцией украинской», тем самым отдавая приоритет именно украинской национальной революции. Мы же солидарны с точкой зрения известного коллеги Доминика Ливена о том, что «империя Романовых рухнула не под давлением нерусских окраин, а в результате восстания рабочих и солдат в российском центре». Точно так же было, между прочим, и в 1905 г., когда развернулась русская революция, поименованная в учебниках советской поры как «русская». Так было и на излете Перестройки. Национальный фактор важным образом дополнял настроения в центральной России, но отнюдь не был определяющим в развитии политического процесса в целом в стране.

Одним из самых важных остается вопрос о *причинах победы большевиков*. Тема многогранная и огромная. Хочу оттенить лишь одну мысль, которая далеко не всегда проходит в учебной литературе. Когда кто-то говорит как о главной причине о тактике большевиков, о гении Ленина и Троцкого, вольно или невольно впадает в преувеличение. О причинах этой победы написано в учебниках почти все. И во многом — примерно одно и то же. На мой взгляд, мы забываем еще одну важную вещь, относящуюся, скорее, к области социальной психологии. На мой взгляд, весьма важную роль играли общественные ожидания и тяга не только к отрицанию старого порядка, но и *созданию нового мира*, свободного от несправедливости и попрания личности, от всемогущества власти и засилья бюрократии. Общества, открытого для народной инициативы и социальной гармонии, к которым всегда стремились в нашей стране. Именно этим объясняется участие в переменах сначала на стороне Временного правительства, а затем и большевиков огромного числа ярких исторических фигур, никак не подпадающих в категорию фанатиков или сторонников диктатуры. Но когда и почему именно они потом отшатнулись от поддержки и того же Временного правительства, и большевистского режима? Не потому ли, что и те, и другие разочаровали их своими действиями? Проводя аналогии с днями, более близкими к нам, спрошу

аудиторию: а не то же самое произошло 20 лет назад и с нами? При всей разнице ситуаций и исторических персонажей.

Наконец, в *оценке значения и влияния 1917 г. на отечественную и мировую историю* большинство авторов едины, несмотря на принципиально различные взгляды по многим иным вопросам. Роднит и объединяет их одно: если Февраль 1917 г. имел большое значение лишь для самой России, то Октябрь 1917 г. имел колоссальное значение для судеб не только нашей страны, но и всего мира в XX в. А вот с каким знаком и кто из него сделал большие выводы для себя и извлек больше пользы — это вопрос другой.

В борьбе сложившихся в 1917 г. альтернатив общественного развития преимущество оказалось на стороне тех, кто предпочел пути реформ, пути мучительно долгому и требующему немалых усилий всего общества, тот путь, который казался тогда куда более простым и привлекательным: немедленной смены власти, решительных и быстрых перемен. Эти настроения не были лишь российским феноменом. Вспомним хотя бы строки из «Марсельезы»: «Отречемся от старого мира! Отряхнем его прах с наших ног». В сегодняшних дискуссиях о 1917 г. мы сегодняшние очень даже недооцениваем огромной мобилизующей роли идеи всестороннего общественного обновления, овладевшей массами.

Поэтому, отвечая на часто звучащий сегодня (и, увы, одномерно поставленный) вопрос о том, является ли революция 1917 г., или даже взятый отдельно Октябрь 1917 г., главным событием XX в., учащиеся сегодня чаще всего отвечают на него так: да, 1917 г. был важным перепутьем не только в истории XX в., но и в нашей более, чем 1 150-летней истории. Но это было и время несбывшихся надежд и обманутых общественных ожиданий.

Библиография

¹ Электронный ресурс: <<http://www.pravda.ru/society/fashion/couture/03-11-2011/1097518-revolucion-0#>>

² *Дмитренко В. П.* История России. Учеб. для 11 кл. М., 1993.